

37. Хосров, зороастрийский жрец. Сардоникс. 1821
38. А. Панов. Александр Поп. Халцедон — оникс. 1825
39. Эмма Гамильтон. Орская яшма. 1830
40. Август и Ливия (?) в образах Авроры и Кефала. Сардоникс. 1828
41. С. Одинцов, И. Галкин. Антония (?) в образе По. Халцедон — оникс. 1842
42. И. Галкин, А. Уваров. Агриппина Старшая (?) в образе Цереры. Орская яшма. 1843
43. Август и Ливия (?) в образах Авроры и Кефала. Слепок Дж. Тасси. 1780-е
44. Антония (?) в образе По. Слепок Дж. Тасси. 1780-е
45. Агриппина Старшая (?) в образе Цереры. Слепок Дж. Тасси. 1780-е гг.
46. А. Пивоваров. Видукинд. Орская яшма. 1825
47. Б. Андрил. Медаль в память мира между Францией и Саксонией. 1806. *Об. с.*
48. Я. Коковин. Амалия Мор (?). Ямская яшма. 1817—1818
49. Я. Коковин. Яков Мор (?). Ямская яшма. 1817—1818.

Е. В. Семенова

«КОНДИЦИИ» БЕРГ-ГЕШВОРЕНА ИВАНА ПАТРУШЕВА
Производственная и творческая среда Екатеринбургской
гранитной фабрики конца XVIII в.

Урал, известный уже с 30-х гг. XVIII в. месторождениями мрамора и яшмы, рассматривался столицей первоначально лишь как кладовая или каменоломня, из которой можно было получать полуфабрикат и сырье для Петергофской фабрики. Постепенно положение дел стало меняться.

И. К. Патрушеву за сорок лет целеустремленных преобразований шлифовальной мельницы в камнерезную фабрику удалось создать условия, обеспечившие успех камнерезного дела в будущем, изменившие взгляд на деятельность камнерезной фабрики и на решение ею творческих задач камнерезного дела.

Генерал-губернатору Пермского и Тобольского наместничества Евгению Петровичу Кашкину, принявшему по императорскому указу от 4 января 1782 г. Экспедицию мраморной ломки под свое начало, представилась возможность еще раз верноподданически блеснуть перед императрицей вверенными в его руки сокровищами. В 1785 г. он лично представил Екатерине II сделанную по ее желанию для кабинета натуральных вещей Эрмитажа коллекцию цветного камня. В следующем году он решил поднести ей столь же полную коллекцию в виде пирамиды. Чертеж был разработан известным в столице автором «Чесменской чернильницы» Барнабо Огюстом Демайльи.

«Собрание коллекции проб пирамиды из разных агатовых, яшмовых и других крепких камней и тому ж из разных пород минералов штуфами» — так значилась эта работа в делах мельницы [ГАСО, ф. 86, оп. 1, д. 299, л. 1, б]. Начата она была 8 ноября 1785 г., закончена 22 июня 1786 г. Выполнялась под наблюдением Ивана

Кузьмича Патрушева. Главным исполнителем был подмастерье Василий Евстафьевич (Остафьевич) Коковин¹.

Это сооружение высотой в 61 см состоит из довольно сложного пьедестала, грота и стоящего на нем обелиска. На плите белого мрамора надпись: «По приказанию его превосходительства Евгения Петровича Кашкина В. А. Demailly invenit a Tobolsk руководством Ивана Патрушева». Пьедестал сделан из серо-зеленых южно-уральских яшм, украшен четырьмя колоннами из красных и пестроцветных орских яшм и уразовской яшмы. Основание пьедестала сделано из порфира двух цветов, добытых в окрестностях Екатеринбурга. Грот с четырьмя рогами изобилия сделан из ленточных яшм, украшен кусками кварца с самородным золотом, отделан халцедоновым галечником северных рек Восточной Сибири. Внутри грота — глыба желтоватого халцедона, из-под которой «вытекают струи» зеленовато-желтого аквамарина Адун-Чолонга, падающие в небольшие чаши. Обелиск сделан из сплошной серо-зеленой с голубоватым оттенком яшмы, украшен инкрустацией в виде белого агатового облака с лучами из золотистого кварца и бронзовым инициалом Екатерины II [см.: Макаров, 1938, 18—19].

Материал для этого сооружения собирали «всем миром». 13 мая 1786 г. была получена партия аквамарина из Нерчинска — 12 камней весом 1 фунт 56 золотников, 17 июня В. Е. Коковин из своих личных запасов уступил Экспедиции 14 аквамариников весом 1 фунт 37 золотников [см.: ГАСО, ф. 86, оп. 1, д. 256, л. 224—224 об.]. С Петропавловского завода купца и промышленника М. М. Походяшина была прислана самородная медь [см.: Там же, д. 299, л. 15]. С Березовского рудника из окрестностей Екатеринбурга — золотосодержащий кварц... [Там же, л. 2] Яшма собиралась по средне- и южно-уральским копиям поисковыми партиями М. Логинова и М. Колмогорова.

25 июня 1786 г. И. К. Патрушев и В. Е. Коковин повезли пирамиду в Тобольск на показ генерал-губернатору. К ней прилагались: схематическая карта уральских приисков с обозначенными на ней местами добычи использованных в работе камней и вложенная в деревянный футляр «Книга приисков» — описание месторождений — рукопись на голландской бумаге с золотым обрезом, составленная капитаном М. Логиновым [см.: Там же, л. 28, 30 об.].

По отзыву Е. П. Кашкина, работа «весьма хороша, но только надлежит увеличить облак», и 31 июня в том же сопровождении пирамиду отправили в Санкт-Петербург. В. Е. Коковин посылался «на случай поправки и какой поломки в пути». На Петергофской фабрике в столице В. Е. Коковин, следуя пожеланию Е. П. Кашкина, изменил рисунок накладного «облака» [Там же, л. 28, 40—44 об.].

¹ ГЭ. Инв. № Э 760: Пирамида. XVIII в. В 1938 г. была определена как работа тобольских мастеров, исполненная по рисунку Демайли, сделанному им в Тобольске. Датировалась 80-ми гг. XVIII в. [см.: Макаров, 1938, 18—19]. А. Е. Ферсману предположение В. К. Макарова дало повод написать, что «шлифовальное дело зародилось не в Екатеринбурге, а в Тобольске». А. Е. Ферсман прочитал «Демайли» как «резчик Демай» [Ферсман, 1961, 89-90]. Атрибуция, основанная на изучении архивных данных, сделана Б. В. Павловским [см.: Павловский, 1953, 45—46].

С той поры эта работа екатеринбургских мастеров хранится в Эрмитаже. Но «Книга приисков» утрачена, и пирамида несправедливо рассматривается как самостоятельная работа с безвкусным подбором камня. Между тем, только найдя эту книгу и сопоставив ее содержание с материалом пирамиды, можно в должной степени оценить достоинства этого редкого памятника культуры камня, значение которого выходит за рамки художественной формы. К тому же это самая ранняя из дошедших до нас датированных вещей, сделанных на уральской мельнице.

«Иван Патрушев», указанный в надписи на обелиске, — это Иван Кузьмич Патрушев, сын мастера тележных колес, сначала ученик гранильного и шлифовального мастера Семена Саввича Ваганова, а затем один из ведущих организаторов производства, возглавивший мельницу, а потом и Экспедицию. Своими усилиями, целеустремленным преобразованием шлифовальной мельницы в камнерезную фабрику И. К. Патрушев создал условия, которые обеспечили успех камнерезному делу на следующем этапе его развития. Он подготовил хорошую технику, богатую сырьевую базу, рационально организовал труд, подобрал отличные кадры, привил мысль о необходимости грамотного в техническом отношении руководства. Он не был художником, не был мастером обработки камня, но зато был настоящим стратегом вверенного ему производства.

И. К. Патрушев родился между 1737 и 1742 г. С 1748 г. обучался в словесной школе, с 1751 г. — в арифметической. С 1756 г. определен в шлифовальную мельницу. В 1766 г. — гранильного дела ученик. С этого же года он неоднократно командировается на поиски камня в южно-уральские земли. Удачливостью в прииске и своими деловыми качествами он привлек внимание Я. И. Данненберга. Патрушев умеет вести работы, делопроизводство, организовать людей, быть бережливым (известен случай, когда из экономии он отказался выдать должную плату наемным башкирам, работавшим под его началом на ломке камня, и Я. И. Данненберг, ратовавший за добрососедские отношения с местным населением, заставил И. К. Патрушева вернуться в Оренбуржье, разыскать обиженных им людей и, извинившись, выплатить деньги, — это было хорошим уроком). И. К. Патрушевым составлен регистр месторождений яшм на Южном Урале, открытых в 1765—1768 гг.

Начало 1769 г. он проводит на ломках орсских яшм, вторую половину года — на поисках топазов в Мурзинке. В 1770 г. ведет работы на турмалиновых копиях близ Шайтанки, честь открытия которых приписывается Я. В. Мору. В декабре 1772 г. ему присвоено звание подмастерья, позволено вести самостоятельные работы и контролировать работу мастеров. К 1780-м гг. И. К. Патрушев вырос в большого знатока цветного камня и ведущего специалиста по организации камнерезного производства.

В 1782 г. он представляет отчет о работе Экспедиции по изучению месторождений цветного камня на Урале в Санкт-Петербург, принят Екатериной. Обласканный вниманием придворных и самой императрицы, Патрушев возвращается с новыми полномочиями: ему доверяется производить оценку всех поступивших в Экспедицию от ее партий и частных лиц камней, вплоть до ювелирных.

30 июня 1784 г. он назначен «общегранильных дел мастером» с высоким по тем временам окладом 250 руб. в год — должность необычная и не предусмотренная ни одним из штатов по фабрике, зато отражающая универсальность И. К. Патрушева как знатока камня. С этого времени все работы по фабрике, начавшей переходить от проб, курантов и растиральных досок к художественным изделиям, ведутся под его наблюдением. С 15 апреля 1787 г. он руководит строительством на фабрике новых машин, реконструкцией старой мельницы. В этом же году ему присвоен чин берг-гешворена — горного чиновника, наблюдавшего за технической и хозяйственной стороной производства. По окончании этих работ 11 июня 1803 г., в знак признания заслуг перед Экспедицией И. К. Патрушеву прибавляют к его уже 600-рублевому окладу еще 200 руб. 3 октября того же года указом Сената он «уволен от службы вовсе с чином берг-гауптмана 6 класса с полным жалованьем». Он отдал фабрике, уральскому камнерезному делу в пору его становления 43 года. Дальнейшая судьба И. К. Патрушева неизвестна. В 1808 г. он еще был жив — имя его упоминается в деловой переписке [см.: ГАСО, ф. 86, оп. 1, д. 501, л. 34; Картоотека ИГЕММО «Люди камня»; Павловский, 1953, 141; Козлов, 1981, 97].

Став во главе мельницы, И. К. Патрушев в первую очередь предпринял шаги по ее технической реконструкции. В наследство ему досталась обветшавшая техника 1746—1748 гг., исправленная реконструкциями 1750 и 1751 гг. Воспользовавшись пребыванием в Санкт-Петербурге при сдаче императрице пирамиды, он добивается разрешения осмотреть Петергофскую фабрику «для примечания тамошних ремесел по художеству моему». Не будучи специалистом-механиком, он тем не менее улавливает то новое, что могло бы поправить уральскую фабрику, и возвращается в Екатеринбург с надеждой приступить к ее реконструкции.

16 апреля 1787 г. он перераспределяет людей на самой мельнице и на приисках таким образом, чтобы высвободить всех знающих машинное и плотницкое дело, собирает их в одну артель. Так, с ломок ф и г у р и с т о й яшмы у Нижнетуринского завода он забирает у Ф. Тупылева, руководившего добычей, «плотничную работу разумеющих» Степана Галкина и Митрофана Бронского, объяснив: «а как здесь устанавливается вновь строящаяся фабрика о чем экспедиции неизвестно и каковому устройению неминуемо принадлежат знающие плотничные работы мастеровые люди...» [ГАСО, ф. 86, оп. 1, д. 305, л. 47].

Пустив новые машины, он добивается включения в штат мельницы толкового механика, который, кроме машин, знал бы рисунок и художественное дело и при проектировании машин исходил бы из творческих задач камнерезного дела. В мае того же года он находит такого человека среди учеников екатеринбургской школы. «Имеется, — пишет он горному начальству, — ученик Иван Пивоваров, который руководствует рисовкою хорошо, к тому ж в доме при отце своем и столярную работу делает исправно». В июле 1788 г. И. Пивоварова переводят на фабрику «к обучению махине и станков механических». В свои 15 лет И. Пивоваров, сын «заводской команды мехового подмастерья» И. Г. Пивоварова, уже умел читать, писать, знал арифметику, хорошо рисовал, владел техникой архитектурных отмывок (тушевок) [см.: Там же, д. 310, л. 1].

Впервые за много лет И. К. Патрушев проводит тщательный учет сырья и неожиданно выявляет большие запасы яшмы в готовых изделиях и в сырых блоках, складировавшиеся с конца 40-х гг. в «магазиннах» при сгоревшей мельнице 1751 г. и при старой фабрике 1746—1748 гг. Кстати, история эта замечательна тем, что уточняет место 1782—1794 гг. в обработке яшмы.

Началась эта история, с полученного в феврале 1784 г. распоряжения И. И. Бецкого прислать в Петергоф партию крупных яшмовых блоков. На складах мельницы и Экспедиции таких не оказалось, но зато И. К. Патрушев сообщал: «...тех требуемых сортов камней имеется ныне налицо праздно лежащих здесь в заводском магазинне до несколка немалых штук прежде добытых через нарочно посланных от высочайшего кабинета каменотесцев Брагина с товарищи коих для совершенных счета и мер в скорости немалым количеством разобрать невозможно» [ГАСО, ф. 86, оп. 1, д. 287, л. 1]. В огромном беспорядке здесь были свалены куски длиной от полутора до двух аршин, шириной до аршина и толщиной до 12 вершков. Инициатива И. К. Патрушева рассортировать камень встретила резкое противодействие со стороны Канцелярии завода и «архитекторских учеников». Пришлось проявить немало настойчивости, чтобы обязать обе стороны заняться этой работой и подготовить камень к отправке в столицу. С 18 марта «архитекторские ученики» Гаврила Ольшев, Василий Яковлев и Савва Хвостов разбирали, сортировали, мелкие взвешивали на месте, а крупные вывозили на Верх-Исетский завод на большие весы [см.: Там же, д. 391, л. 291—292 об., 294]. В итоге работ из заводского «магазинна» было отправлено в Петергоф сначала 445, затем 1 300 пудов калканской, маломуйнаковской, каиповской и кошкульдинской яшмы в крупных кусках [см.: Там же, д. 287, л. 6—7 об.].

В 1793 г. по настоянию И. К. Патрушева составлены первые ведомости камней, распределяющие их по сортам и окраскам [см.: Там же, д. 391, л. 282]. В организации производства с 1787 г. им вводится пооперационное разделение труда и «классность» — мастерские разделены на подмастеров и учеников трех классов. Трое подмастеров руководят работами и группами учеников. Каждая группа (класс) закрепляется за определенным видом работ: 12 учеников первого класса поставлены «при выделке субтельных вещей агатового и гранильного дела», 20 учеников второго класса — «при заготовке таковых вещей в грубой работе», 20 учеников третьего класса — «при разрезке разных сортов камней», один первого класса и два второго — «по камнерезному делу», два человека поставлены в ученики «для скульптурной по воску и резных по дереву работ» [Там же, д. 310, л. 6, 8, 28].

Распределяя мастеровых по видам работ, И. К. Патрушев исходил из того, что «иные не могут быть понятыми в субтельных вещах агатового дела, а к тому художеству обучение требует время и принадлежности без отделения к другим работам...». Поэтому он оставляет «при субтельных вещах» наиболее способных, прочих же расставляет «при простых работах» [Там же, д. 765, л. 27 об.].

С 1792 г., когда мельница наиболее активно начинает работать над сложными и крупными изделиями из яшмы, во главе группы он ставит унтер-шихтмейстеров

I класса. Менее значительными работами продолжают руководить подмастеры [см.: ГАСО, ф. 86, оп. 1, д. 765, л. 27 об.].

Особой заботой И. К. Патрушева были художники, чертежники, «архитекторские помощники». Еще в 1765 г. Я. И. Данненберг просил И. И. Бецкого: «... Не соизволите ль Ваше Превосходительство пожаловать приказать для лучшего впредь работ учреждения, примечания и разделения архитектуры прислать из Санкт-Петербурга и архитектурских учеников твердо знающих рисование четырех человек дабы они отныне достальное время при тех мастерах пробыли и насмотретца могли которые как надеятца должно к немалой ползе могут впредь представить себя окуратными работами работ производителями и показателями» [Там же, д. 14, л. 65 (25 ноября 1765 г.)]. Но только через 15 лет, в 1780 г., прибыло это долгожданное пополнение: из санкт-петербургского отделения Канцелярии от строений — Михаил Колмогоров, Савва Хвостов и Никита Яковлев; из московского отделения Михайло — Горяинов и Тимофей Зимин, все пятеро были «архитекторскими помощниками». Ведущими мастерами камнеобработки, на которых опирался И. К. Патрушев, были «гранильных дел подмастерья» Сидор Козмин, Андрей Колокольников, Степан Солонин и Филипп Тупылев — все из данненберговской гвардии, проработавшие на камнерезном деле по тридцать-сорок лет.

Я. И. Данненберг поднимал обработку яшмы четырнадцатью малоопытными мастеровыми. При И. К. Патрушеве к 1784 г. на яшмодельном производстве было занято 53 человека, спустя три года — 66 человек, треть всего состава Экспедиции [см.: Там же, д. 310, л. 16, 24].

С декабря 1787 г. в переписке И. К. Патрушева с горной администрацией появляются одно за другим ходатайства о привлечении к камнерезным работам детей мастеровых. Первое такое ходатайство он пишет о сыне умершего ученика камнетесного дела Ефтифея Рышкова Степане: «Усмотрено мною, что он своей охотой поволно обучился каменогранению разных фасонов вставок, то благоволено б онаго определить в помянутую гранильную фабрику, которой и заниматься будет в производимых работах понятным» [Там же, д. 331, л. 7]. И. К. Патрушев добивается перевода из екатеринбургской школы в творческую группу фабрики для обучения резьбе по камню «рисовального ученика» Дениса Тетенева и самого сильного рисовальщика школы солдатского сына Петра Тихвинского — этого отпустили с большой неохотой [см.: Там же, д. 310, л. 35, 38—39, 42]. Мастерской Семен Турышев приводит на фабрику пятнадцатилетнего сына Бориса, кузнец Козма Зырянов отдает в обучение камнерезному делу семнадцатилетнего сына Ивана [см.: Там же]. В этом же году на фабрику определен пятнадцатилетний Петр Зубринский, сын известного екатеринбургского мастера деревянных моделей столяра Егора Зубринского... [Там же, л. 6]. В общей сложности на фабрику принимают учениками из детей мастеровых 23 человека. Эта инициатива И. К. Патрушева положила начало таким династиям уральских яшмоделов, как Турышевы, Зыряновы, Зубринские, Солонины, Колокольниковы, Коковины и др.

Особого внимания заслуживает заступничество И. К. Патрушева за людей, нужных камнерезному делу. В январе 1789 г. он энергично вступился за Егора

Шубникова. Распоряжением горного начальства тот был переведен в молотовые рабочие за то, что, «будучи на добыче фигуристой яшмы у Нижнетуринаского завода, позволил себе смелость выступить против притеснений». И. К. Патрушеву пошли навстречу, предложив обменять Е. Шубникова на любого «непонятого к каменотесному делу» [ГАСО, ф. 86, оп. 1, д. 331, л. 34—34 об.].

Что бы ни делал этот человек, все выдавало в нем деятельного и целеустремленного защитника интересов уральского камнерезного дела. Результаты его деятельности не замедлили сказаться. Достаточно обратиться к простейшему перечню вещей, сделанных только из одной яшмы за 1779—1793 гг.: 123 чаши, 17 ваз, из которых одна — из брекчиевидной яшмы — была подарена Павлу I, пирамида Демайльи, зеркало для пермской казенной палаты с каменным гротом и коллекцией камней, две табакерки, урна, чернильница, 12 яиц, около двухсот пуговиц, неопределенное число каких-то груш и набалдашников, 27 череньев для кортиков, детали десерта для М. Ф. Соймонова, шесть надолб (тумб), 906 проб для минералогических коллекций. Размеры чаш и ваз: высота от 15 до 48 см, диаметр от 10 до 26 см. Материал — яшма красная, кофейная, зеленая, зелено-желтоватая, зеленая с цветными лентами, брекчиевидная, цветной агат, красный агат с белыми прожилками, крапчатая фигурная, полупрозрачный кварц, смешанный с разноцветным видом яшмовых пятен и прожилок...

Вырос круг заказчиков. С 1784 г. мельница работала и помимо заказов двора.

В 1777 г. Екатерина II отдавала предпочтение Петергофской фабрике. А через 20 лет король Станислав Август восхищался уже екатеринбургскими художниками: «...В Екатеринбурге успели за несколько лет поселить искусных художников». Король не знал главного: никто не селил здесь художников, они выросли в Екатеринбурге за эти несколько лет. Наивысшего успеха уральская обработка яшмы достигла в следующий, «строгановский», период. Но вряд ли был бы столь быстрым этот успех, не будь подготовлена для него почва.

Понадобилось 40 лет, чтобы уральская шлифовальная мельница приблизилась к решению творческих задач². Много это или мало? Сравните. От И. Брукнера до И. Боттона Петергофская мельница прошла 30 лет. Но ведь она имела под боком столицу, посредничество профессиональной художественной школы, ориентировалась на эстетические оценки и вкусы двора. Уральцы были предоставлены самим себе, имея вместо поддержки противодействие. Их искусство рождалось опытом своего коллектива и было плодом коллективного труда. Потому и дальнейшая обработка яшмы на Урале оказалась более жизнестойкой и в конечном счете стала монополией уральских мастеров и Екатеринбургской фабрики.

² Исходя из этого анализа, надо признать неверным суждение А. Е. Ферсмана, что «в течение всего только полувека в России была создана самая мощная в мире камнеобрабатывающая промышленность» [Ферсман, 1946], тем более что вывод этот повторяется в ряде последующих изданий по истории камня [см., в частности: Салтыков, 1963, 237]. Промышленность эта в описываемое время только набирала силу.

ГАСО: ф. 86, оп. 1, д. 14, 256, 287, 299, 305, 310, 331, 391, 501, 765.

Картоотека Историко-геомологического общества «Lithica» «Люди камня».

Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале, XVII — начало XX века: Библиогр. справ. Свердловск, 1981.

Макаров В. К. Цветной камень в собрании Эрмитажа. Л., 1938.

Павловский Б. В. Камнерезное искусство Урала. Свердловск, 1953.

Салтыков А. Б. Каменные вазы // Русское декоративное искусство: Восемнадцатый век. Т. 2. М., 1963.

Ферсман А. Е. Из истории культуры камня в России. М.; Л., 1946.

Ферсман А. Е. Очерки по истории камня: В 2 т. Т. 2. / Предисл. А. А. Мамуровского. М., 1961.

Список иллюстраций и аннотации

1. Екатеринбургская гранильная фабрика. Фасады. Планы. 1787. И. К. Патрушев, ЕГФ, Екатеринбург, Россия. Бумага, тушь, акварель. 0,565 x 1,310. РГПА, ф. 485, оп. 5, д. 883, л. 1, 2.

2, 3. Екатеринбургская гранильная фабрика. Фасады. Планы. 1787. И. К. Патрушев, ЕГФ, Екатеринбург, Россия. Бумага, тушь, акварель. 0,565 x 1,310. РГПА, ф. 485, оп. 5, д. 883, л. 1.

Надпись на чертеже (не показана): *План с фасадою Гранильной и шлифовальной фабрике. Описание Гранильной и шлифовальной фабрики Вододетствуемыхъ Машинъ Плана и профиля означенныя подниже следующими цифрами: 1. Вододетствуемая наливная колоеса. 2. Суховья чюгунныя зубчатая колоеса. 3. Чюгунныя шестерни. 4. Свинцовыя и оловянные налитыя на дерево шкифы обращающияся на железных валах. 5. Токарныя деревянные колеса. 6. Разрезныя станки с медными кругами. 7. Деревянные круга на деревянных валках для оборачивания разрезных кругов и токарных гаек. 8. Станки с токарными гайками. 9. Гранельныя станки. 10. Вымошныя станки. 11. Станки для дела разных вещей. 12. Станок для бронзовой работы. 13. Машинка по камню резнаго дела. 14. Станки со свинцовым кругами для больших работ. 15. Столярной верстак. 16. Слесарной верстак. 17. Точило для точки разных инструментов. 18. Печи для нагреву комнат. 19. Кладовая для разных Припасов. 20. Кузница зъ двумя Горнами. 21. Кузничная труба. 22. Кладовая для разных припасов. 23. Порозжие место под пильной фабрикой. 24. Кожух пильной фабрики. 25. Комнаты для писменных дел и сочинения чертежей. 26. Комната для хранения готово зделанных вещей. 27. Комната для сортировки проб. 28. Поперешные стены фабрики. 29. Двери. 30. Полъ и матрицы. 31. Спуск на водяные колоеса. 32. Деревянные стойки, на коихъ утверждёнъ потолокъ в ниг же и обращающя вододетствуемая валки.*

Подпись: *Бергъ гешворен Иванъ Патрушевъ.*

4. План Екатеринбургской Гранильной фабрики. 1787. И. К. Патрушев, ЕГФ, Екатеринбург, Россия. Бумага, тушь, акварель. 0,500 x 1,107. РГПА, ф. 485, оп. 5, д. 883, л. 2.

Надпись на чертеже (не показана): *Описание Екатеринбургской гранильной и шлифовальной фабрики, вододетствуемых машин планов и профилей, означенныя подниже следующими литерами. 1. Отъ косъ заводской плотины. 2. Водяной ларь и часть ларевой деревянной трубы для пропуску из пруда воды. 3. Спуски на водяные колоеса. 4. Вододетствуемые наливные колоеса. 5. Суховья чюгунныя зубчатые колоеса. 6. Чюгунныя шестерни. 7. Свинцовые и оловянные налитыя на дерево шкивы обращающияся на железных валах. 8. Токарныя деревянные колоеса. 9. Разрезныя станки с медными кругами. 10. Разрезныя большыя станки с железными пилами. 11. Деревянные круга на таковых же валках для оборачивания разрезных кругов и токарных медных гаек. 12. Станки с токарными медными гайками. 13. Гранельныя станки. 14. Прорезная стоячая машина. 15. Вымошныя станки. 16. Станки для точки в циркуляцию разных вещей. 17. Машинка по камню резнаго дела. 18. Станок со свинцовым кругом для больших работ. 19. Столярной верстакъ. 20. Слесарной верстак. 21. Печи для нагреву комнат. 22. Кладовые для разных припасовъ и материаловъ. 23. Кузница с двумя горнами и при них наковальня. 24. Кузничная труба. 25. Порозжие места завод-*

ского ведения под пильной фабрикой. 26. Кожуха заводская ж подъ пильной фабрикой. 27. Комнаты для мелочных подвижных работ. 28. Поперешные стены фабрике. 29. Двери. 30. Стойки на коих утверждены потолок в них же обращаются вододействуемые валки.

Подпись: *Бергъ мейстеръ Иванъ Патрушевъ.*

А. В. Чухарева

ИДЕЯ ИСКУССТВА КАК ЖИЗНЕСТРОЕНИЯ: РУССКИЙ СИМВОЛИЗМ И АВАНГАРД

В современной культурной ситуации России рубежа XX—XXI вв., сходной своей кризисностью и эсхатологизмом с атмосферой пограничной эпохи конца XIX — начала XX в., обращение к институту искусства и осмысление его роли в периоды культурного кризиса рубежных эпох имеет под собой достаточно серьезные основания. Именно в такое время распад образа мира ведет за собой массовую дезориентацию, утрату идентификации на индивидуальном и групповом уровне, а также на уровне общества в целом. В таких обстоятельствах мир для человека и человек для самого себя перестают быть прозрачными, понятными, знакомыми. Искусство, как известно, раньше всех других подсистем культуры реагирует на изменение самой культурной реальности, что связано в первую очередь с тем, что оно разрабатывает и сохраняет идеалы личностного определения человека, схватывает и демонстрирует то, что недоступно рациональному осмыслению. Таким образом, реконструкция концептуальной для эпохи рубежа XIX—XX вв. идеи искусства как жизнестроения и ее конкретной реализации в русском символизме и авангарде позволит выявить универсальные характеристики, своего рода алгоритм духовного поиска, поможет объяснить и проинтерпретировать процессы, протекающие в современном искусстве.

Начало XX в. в России — эпоха перелома, рубежа, кризиса, когда исторический процесс нельзя трактовать иначе как интенсивный поворот культуры к ее новому состоянию, новому качеству. Драматическое мироощущение, характерное данному периоду, явилось следствием утверждавшегося в Новое время картезианского понимания природы как чуждого человеку безличного феномена, управляемого естественными законами. Пренебрежение картезианского человека к экзистенциальной проблематике в угоду сциентистским аспектам познания повлекло за собой забвение целей и смыслов существования, забвение Бытия. Когда человек видит, что окружающее изменило ему, то наступает кризис — время неподлинности, радикального сдвига в человеческой экзистенции, время острого осознания человеком своей неабсолютности, нецельности. Именно тогда сфера искусства, которая в большей степени обращена к внутреннему миру человека, занимает ведущее место, но и в ней — те же расколы.